

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ТЕКСТ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Городок в табакерке

ВХОДИТ В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ

Всеволод Михайлович Гаршин
Антоний Погорельский
Владимир Иванович Даль
Максим Горький
Владимир Фёдорович Одоевский
Городок в табакерке
Серия «Правильное чтение»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42127867

Городок в табакерке: сказки для детей: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-100762-1

Аннотация

В сборник вошли литературные сказки русских писателей:
А. Погорельского, В. Одоевского, В. Даля, М. Горького.

Содержание

А. Погорельский	5
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Городок в табакерке

Сказки для детей

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

А. Погорельский

Чёрная курица, или Подземные жители

Лет сорок тому назад¹ в С.-Петербурге, на Васильевском

---

¹ Сказка написана в 1829 году, значит, речь в ней идёт о 80-х годах XVIII в.

острове, в Первой линии, жил-был содержатель мужского пансиона², который ещё до сих пор, вероятно, у многих остался в свежей памяти, хотя дом, где пансион тот помещался, давно уже уступил место другому, нисколько не похожему на прежний. В то время Петербург наш уже славился в целой Европе своею красотой, хотя и далеко ещё не был таким, каков теперь. Тогда на проспектах Васильевского острова не было весёлых тенистых аллей: деревянные подмости, часто из гнилых досок сколоченные, заступали место нынешних прекрасных тротуаров. Исаакиевский мост, узкий в то время и неровный, совсем иной представлял вид, нежели как теперь; да и самая площадь Исаакиевская вовсе не такова была. Тогда монумент Петра Великого от Исаакиевской площади отделён был канавою; Адмиралтейство не было обсажено деревьями, манеж Конногвардейский не украшал площади прекрасным нынешним фасадом, – одним словом, Петербург тогдашний не то был, что теперешний. Города перед людьми имеют, между прочим, то преимущество, что они иногда с годами становятся красивее... Впрочем, не о том теперь идёт дело. В другой раз и при другом случае я, может быть, поговорю с вами пространнее о переменах, происшедших в Петербурге в течение моего века, теперь же обратимся опять к пансиону, который лет сорок тому назад находился на Васильевском острове, в Первой линии.

---

² Мужской пансион – в современном понимании школа-интернат: воспитанники жили при школе.

Дом, которого вы теперь – как уже вам сказывал – не найдёте, был о двух этажах, крытый голландскими черепицами. Крыльцо, по которому в него входили, было деревянное и выдавалось на улицу. Из сеней довольно крутая лестница вела в верхнее жильё, состоявшее из восьми или девяти комнат, в которых с одной стороны жил содержатель пансиона, а с другой были классы. Дортуáры, или спальные комнаты детей, находились в нижнем этаже, по правую сторону сеней, а по левую жили две старушки-голландки, из которых каждой было более ста лет и которые собственными глазами видали Петра Великого и даже с ним говаривали.

В нынешнее время вряд ли в целой России вы встретите человека, который бы видал Петра Великого; настанет время, когда и наши следы сотрутся с лица земного! Всё проходит, всё исчезает в бренном мире нашем... но не о том теперь идёт дело.

В числе тридцати или сорока детей, обучавшихся в том пансионе, находился один мальчик, по имени Алёша, которому тогда было не более 9 или 10 лет. Родители его, жившие далеко-далеко от Петербурга, года за два перед тем привезли его в столицу, отдали в пансион и возвратились домой, заплатив учителю условленную плату за несколько лет вперёд. Алёша был мальчик умненький, миленький, учился хорошо, и все его любили и ласкали.

Однако, несмотря на то, ему часто скучно бывало в панси-

оне, а иногда даже и грустно. Особливо³ сначала он никак не мог приучиться к мысли, что он разлучён с родными своими. Но потом мало-помалу он стал привыкать к своему положению, и бывали даже минуты, когда, играя с товарищами, он думал, что в пансионе гораздо веселее, нежели в родительском доме. Вообще дни учения для него проходили скоро и приятно, но когда наставала суббота и все товарищи его спешили домой к родным, тогда Алёша горько чувствовал своё одиночество. По воскресеньям и праздникам он весь день оставался один, и тогда единственным утешением его было чтение книг, которые учитель позволял ему брать из небольшой своей библиотеки. Учитель был родом немец, в то время в немецкой литературе господствовала мода на рыцарские романы и на волшебные повести, и библиотека эта большею частию состояла из книг сего рода.

Итак, Алёша, будучи ещё в десятилетнем возрасте, знал уже наизусть деяния славнейших рыцарей, по крайней мере так, как они описаны были в романах. Любимое его занятие в длинные зимние вечера, по воскресеньям и другим праздничным дням было мысленно переноситься в старинные, давно прошедшие веки... Особливо в вакантное время⁴, как, например, об Рождестве или в Светлое Христово Воскресенье, – когда он бывал разлучён надолго со своими товарищами, когда часто целые дни просиживал в уедине-

---

³ Особливо – особенно (*устар.*).

⁴ Вака́нтное вре́мя – время, свободное от занятий, каникулы.

нии, — юное воображение его бродило по рыцарским замкам, по страшным развалинам или по тёмным, дремучим лесам.

Я забыл сказать вам, что к этому дому принадлежал довольно просторный двор, отделённый от переулка деревянным забором из барочных досок⁵. Ворота и калитка, кои вели в переулок, всегда были заперты, и поэтому Алёше никогда не удавалось побывать в этом переулке, который сильно возбуждал его любопытство. Всякий раз, когда позволяли ему в часы отдыха играть на дворе, первое движение его было — подбегать к забору. Тут он становился на цыпочки и пристально смотрел в круглые дырочки, которыми был усеян забор. Алёша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей, которыми прежде сколочены были барки, и ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница нарочно для него провертела эти дырочки. Он всё ожидал, что когда-нибудь эта волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман⁶, или письмоцо от папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия. Но, к крайнему его сожалению, не являлся никто даже похожий на волшебницу.

Другое занятие Алёши состояло в том, чтобы кормить курочек, которые жили около забора в нарочно для них выстроенном домике и целый день играли и бегали на дворе.

---

⁵ Барочные доски — доски, шедшие на изготовление речных судов — барок.

⁶ Талисман — предмет, который, по представлению суеверных людей, приносит счастье, хранит от бед.

Алёша очень коротко с ними познакомился, всех знал по имени, разнимал их драки, а забияк наказывал тем, что иногда несколько дней сряду не давал им ничего от крошек, которые всегда после обеда и ужина он собирал со скатерти. Между курами он особенно любил чёрную хохлатую, названную *Чернушкою*. Чернушка была к нему ласковее других; она даже иногда позволяла себя гладить, и поэтому Алёша лучшие кусочки приносил ей.

Она была нрава тихого; редко прохаживалась с другими и, казалось, любила Алёшу более, нежели подруг своих.

Однажды (это было во время вакаций, между Новым годом и Крещеньем, – день был прекрасный и необыкновенно тёплый, не более трёх или четырёх градусов мороза) Алёше позволили поиграть на дворе. В тот день учитель и жена его в больших были хлопотах. Они давали обед директору училищ, и ещё накануне, с утра до позднего вечера, везде в доме мыли полы, вытирали пыль и вощили⁷ красного дерева столы и комоды. Сам учитель ездил закупать провизию для стола: белую архангельскую телятину, огромный окорок и из Милютиных лавок киевское варенье⁸. Алёша тоже по мере сил способствовал приготовлениям: его заставили из белой бумаги вырезать красивую сетку на окорок и украшать бумажною резьбою нарочно купленные шесть восковых свечей. В назначенный день поутру явился парикмахер и показал своё искусство над буклями⁹, тупеем¹⁰ и длинной косой учителя.

Потом принялся за супругу его, на помадил и напудрил у неё локоны и шиньон¹¹ и взгромоздил на её голове це-

---

⁷ Вощёть – натирать воском для блеска.

⁸ Киевское варенье – сушёные засахаренные фрукты или ягоды.

⁹ Бўкли – волнистые завитки волос, локоны.

¹⁰ Тупей – взбитый хохол на голове.

¹¹ Шиньон – женская причёска, как правило, из пришпиленных чужих волос.

лую оранжерею¹² разных цветов, между которыми блистали искусным образом помещённые два бриллиантовых перстня, когда-то подаренные мужу её родителями учеников. По окончании головного убора накинула она на себя старый, изношенный салоп¹³ и отправилась хлопотать по хозяйству, наблюдая при том строго, чтоб как-нибудь не испортилась причёска; и для того сама она не входила в кухню, а давала приказания своей кухарке, стоя в дверях. В необходимых же случаях посылала туда мужа своего, у которого причёска не так была высока.

---

¹² Оранжерёя – *здесь*: множество цветов.

¹³ Салоп – широкое дамское пальто.

В продолжение всех этих забот Алёшу нашего совсем за-
были, и он тем воспользовался, чтоб на просторе играть во
дворе. По обыкновению своему, он подошёл сначала к до-
щатому забору и долго смотрел в дырочку; но и в этот день
никто почти не проходил по переулку, и он со вздохом об-
ратился к любезным своим курочкам. Не успел он присесть
на бревно и только начал манить их к себе, как вдруг уви-
дел подле себя кухарку с большим ножом. Алёше никогда не
нравилась эта кухарка – сердитая и бранчливая чухонка¹⁴. Но
с тех пор как он заметил, что она-то была причиною, что от
времени до времени уменьшалось число его курочек, он ещё
менее стал её любить. Когда же однажды нечаянно увидел он
в кухне одного хорошенького, очень любимого им петушка,
повешенного за ноги с перерезанным горлом, то возымел он
к ней ужас и отвращение. Увидев её теперь с ножом, он тот-
час догадался, что это значит, и, чувствуя с горестию, что он
не в силах помочь своим друзьям, вскочил и побежал далеко
прочь.

– Алёша, Алёша! Помоги мне поймать курицу! – кричала
кухарка, но Алёша принялся бежать ещё пуще, спрятался у
забора за курятником и сам не замечал, как слёзки одна за
другою выкатывались из его глаз и упали на землю.

Довольно долго стоял он у курятника, и сердце в нём силь-

---

¹⁴ Чухонка – устаревшее название карело-финских и эстонских жителей Санкт-Петербурга.

но билось, между тем как кухарка бегала по двору – то манила курочек: «Цып, цып, цып!» – то бранила их по-чухонски.

Вдруг сердце у Алёши ещё сильнее забилося: ему послышался голос любимой его Чернушки! Она кудахтала самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит:

Куда́х, куда́х, куду́ху!
Алёша, спаси Чернуху!
Куду́ху, куду́ху,
Чернуху, Чернуху!

Алёша никак не мог более оставаться на своём месте. Он, громко всхлипывая, побежал к кухарке и бросился к ней на шею в ту самую минуту, как она поймала уже Чернушку за крыло.

– Любезная, милая Тринуш-ка! – вскричал он, обливаясь слезами. – Пожалуйста, не тронь мою Чернуху!

Алёша так неожиданно бросился на шею к кухарке, что она упустила из рук Чернушку, которая, воспользовавшись этим, от страха взлетела на кровлю сарая и там продолжала кудахтать. Но Алёше теперь слышалось, будто она дразнит кухарку и кричит:

Куда́х, куда́х, куду́ху!
Не поймала ты Чернуху!
Куду́ху, куду́ху!
Чернуху, Чернуху!

Между тем кухарка была вне себя от досады.

– Руммаль поись! – кричала она. – Вот-та я паду кассаину и пашалюсь. Шорна курис нада режить... Он ленива... Он яишка не делать, он сыплата не сйжить.

Тут хотела она бежать к учителю, но Алёша не пустил её. Он прицепился к полам её платья и так умильно стал просить, что она остановилась.

– Душенька, Тринушка! – говорил он. – Ты такая хорошенькая, чистенькая, добренькая... Пожалуйста, оставь мою Чернушку! Вот посмотри, что я тебе подарю, если ты будешь добра!

Алёша вынул из кармана империал¹⁵, составлявший всё его имение¹⁶, который берёг пуще глаза своего, потому что это был подарок доброй его бабушки. Кухарка взглянула на золотую монету, окинула взором окошки дома, чтобы удостовериться, что никто их не видит, и протянула руку за империалом. Алёше очень, очень было жаль империала, но он вспомнил о Чернушке – и с твёрдостью отдал драгоценный подарок.

Таким образом Чернушка была спасена от жестокой и неминуемой смерти.

Лишь только кухарка удалилась в дом, Чернушка слетела с кровли и подбежала к Алёше. Она как будто знала, что он

---

¹⁵ Империа́л – золотая монета достоинством десять рублей.

¹⁶ Име́ние – *здесь*: сбережение.

её избавитель: кружилась около него, хлопала крыльями и кудахтала весёлым голосом. Всё утро она ходила за ним по двору, как собачка, и казалось, будто что-то хочет сказать ему, да не может. По крайней мере он никак не мог разобрать её кудахтанья.

Часа за два перед обедом начали собираться гости. Алёшу позвали наверх, надели на него рубашку с круглым воротником и батистовыми манжетами с мелкими складками, белые шароварцы и широкий шёлковый голубой кушак. Длинные русые волосы, висевшие у него почти до пояса, хорошенько расчесали, разделили на две ровные части и переложили наперёд – по обе стороны груди. Так наряжали тогда детей. Потом научили, каким образом он должен шаркнуть ногой, когда войдёт в комнату директор, и что должен отвечать, если будут сделаны ему какие-нибудь вопросы. В другое время Алёша был бы очень рад приезду директора, которого давно хотелось ему видеть, потому что, судя по почтению, с каким отзывались о нём учитель и учительша, он воображал, что это должен быть какой-нибудь знаменитый рыцарь в блестящих латах и в шлеме с большими перьями. Но на этот раз любопытство это уступило место мысли, исключительно его тогда занимавшей: о чёрной курице. Ему всё представлялось, как кухарка за нею бегала с ножом и как Чернушка кудахтала разными голосами. Притом ему очень досадно было, что не мог он разобрать, что она ему сказать хотела, и его так и тянуло к курятнику... Но делать было нечего: надлежало

дождаться, пока кончится обед!

Наконец приехал директор.

Приезд его возвестила учительша, давно уже сидевшая у окна, пристально смотря в ту сторону, откуда его ждали. Всё пришло в движение: учитель стремглав бросился из дверей, чтобы встретить его внизу, у крыльца; гости встали с мест своих. И даже Алёша на минуту забыл о своей курочке и подошёл к окну, чтобы посмотреть, как рыцарь будет слезать с ретивого коня. Но ему не удалось увидеть его: директор уже успел войти в дом. У крыльца же вместо ретивого коня стояли обыкновенные извозчичьи сани. Алёша очень этому удивился. «Если бы я был рыцарь, – подумал он, – то никогда тогда бы не ездил на извозчике, а всегда верхом!»

Между тем отворили настежь все двери; и учительша начала приседать¹⁷ в ожидании столь почтенного гостя, который вскоре потом показался. Сперва нельзя было видеть его за толстою учительшею, стоявшею в самых дверях; но когда она, окончив длинное приветствие своё, присела ниже обыкновенного, Алёша, к крайнему удивлению, из-за неё увидел... не шлем пернатый, но просто маленькую лысую головку, набело распудренную, единственным украшением которой, как после заметил Алёша, был маленький пучок! Когда вошёл он в гостиную, Алёша ещё более удивился, увидев, что, несмотря на простой серый фрак, бывший на директоре вместо блестящих лат, все обращались с ним необыкновенно почтительно.

Сколь, однако ж, ни казалось всё это странным Алёше, сколь в другое время он бы ни был обрадован необыкновенным убранством стола, но в этот день он не обращал большого на то внимания. У него в головке всё бродило утреннее происшествие с Чернушкою. Подали десерт: разного рода варенья, яблоки, бергамоты¹⁸, финики, винные ягоды и грецкие орехи; но и тут он ни на одно мгновение не переставал помышлять о своей курочке. И только что встали из-за стола, как он с трепещущим от страха и надежды сердцем

---

¹⁷ По старинному этикету при встрече и расставании женщина делала поклон с приседанием – реверанс.

¹⁸ Бергамот – сорт груши.

подошёл к учителю и спросил, можно ли идти поиграть во дворе.

– Подите, – отвечал учитель, – только недолго там будьте, уж скоро делается темно.

Алёша поспешно надел свою красную бекешу на белищем меху¹⁹ и зелёную бархатную шапочку с соболиным околышком и побежал к забору. Когда он туда прибыл, курочки уже начали собираться на ночлег и, сонные, не очень обрадовались принесённым крошкам. Одна Чернушка, казалось, не чувствовала охоты ко сну: она весело к нему подбежала, захлопала крыльями и опять начала кудахтать. Алёша долго с ней играл; наконец, когда сделалось темно и настала пора идти домой, он сам затворил курятник, удостоверившись наперёд, что любезная его курочка уселась на шесте. Когда он выходил из курятника, ему показалось, что глаза у Чернушки светятся в темноте, как звёздочки, и что она тихонько ему говорит:

– Алёша, Алёша! Остайся со мною!

Алёша возвратился в дом и весь вечер просидел один в классных комнатах, между тем как на другой половине часу до одиннадцатого пробыли гости и на нескольких столах играли в вист²⁰. Прежде нежели они разъехались, Алёша пошёл в нижний этаж, в спальню, разделся, лёг в постель и потушил огонь.

---

¹⁹ Бекéша – длинное тёплое пальто со сборками на талии.

²⁰ Вист – карточная игра.

Долго не мог он заснуть. Наконец сон его преодолел, и он только что успел во сне разговориться с Чернушкой, как, к сожалению, пробуждён был шумом разъезжающихся гостей. Немного погодя учитель, провожавший директора со свечкою, вошёл к нему в комнату, посмотрел, всё ли в порядке, и вышел вон, замкнув дверь ключом.

Ночь была месячная, и сквозь ставни, неплотно затворявшиеся, упал в комнату бледный луч луны. Алёша лежал с открытыми глазами и долго слушал, как в верхнем жилье, над его головою, ходили по комнатам и приводили в порядок стулья и столы.

Наконец всё утихло. Он взглянул на стоявшую подле него кровать, немного освещённую месячным сиянием, и заметил, что белая простыня, висящая почти до полу, легко шевелилась. Он пристальнее стал всматриваться: ему послышалось, как будто что-то под кроватью царапается, и немного погодя показалось, что кто-то тихим голосом зовёт его:

– Алёша, Алёша!

Алёша испугался! Он один был в комнате, и ему тотчас пришло на мысль, что под кроватью должен быть вор. Но потом, рассудив, что вор не назвал бы его по имени, он несколько ободрился, хотя сердце в нём дрожало. Он немного приподнялся в постели и ещё яснее увидел, что простыня шевелится, ещё внятнее услышал, что кто-то говорит:

– Алёша, Алёша!

Вдруг белая простыня приподнялась, и из-под неё вышла... чёрная курица!

– Ах! Это ты, Чернушка! – невольно вскричал Алёша. – Как ты зашла сюда?

Чернушка захлопала крыльями, взлетела к нему на кровать и сказала человеческим голосом:

– Это я, Алёша! Ты не боишься меня, не правда ли?

– Зачем я буду тебя бояться? – отвечал он. – Я тебя люблю; только для меня странно, что ты так хорошо говоришь: я совсем не знал, что ты говорить умеешь!

– Если ты меня не боишься, – продолжала курица, – так поди за мною: я тебе покажу что-нибудь хорошенькое. Одевайся скорее!

– Какая ты, Чернушка, смешная! – сказал Алёша. – Как мне можно одеться в темноте? Я платья своего теперь не сыщу, я и тебя насилу вижу!

– Постараюсь этому помочь, – сказала курочка.

Тут она закудаhtала странным голосом, и вдруг откуда-то взялись маленькие свечки в серебряных шандалах²¹, не больше как с Алёшин маленький пальчик. Шандалы эти очутились на полу, на стульях, на окнах, даже на рукомойнике, и в комнате сделалось так светло, так светло, как будто днём. Алёша начал одеваться, а курочка подавала ему платье, и таким образом он вскоре совсем был одет.

Когда Алёша был готов, Чернушка опять закудаhtала, и

---

²¹ Шандал – подсвечник.

все свечи исчезли.

– Иди за мною! – сказала она ему.

И он смело последовал за нею. Из глаз её выходили как будто лучи, которые освещали всё вокруг них, хотя не так ярко, как маленькие свечи. Они прошли через переднюю.

– Дверь заперта ключом, – сказал Алёша; но курочка ему не отвечала: она хлопнула крыльями, и дверь сама собою отворилась.

Потом, прошед через сени, обратились они к комнатам, где жили столетние старушки-голландки. Алёша никогда у них не бывал, но слышал, что комнаты у них убраны по-старинному, что у одной из них большой серый попугай, а у дру-

гой серая кошка, очень умная, которая умеет прыгать через обруч и подавать лапку. Ему давно хотелось всё это видеть, и потому он очень обрадовался, когда курочка опять хлопнула крыльями и дверь в старушкины покои отворилась. Алёша в первой комнате увидел всякого рода старинные мебели: резные стулья, кресла, столы и комоды. Большая лежанка была из голландских изразцов²², на которых были нарисованы синей муравой²³ люди и звери. Алёша хотел было остановиться, чтоб рассмотреть мебели, а особливо фигуры на лежанке, но Чернушка ему не позволила. Они вошли во вторую комнату, и тут-то Алёша обрадовался! В прекрасной золотой клетке сидел большой серый попугай с красным хвостом. Алёша тотчас хотел подбежать к нему. Чернушка опять его не допустила.

– Не трогай здесь ничего, – сказала она. – Берегись разбудить старушек!

Тут только Алёша заметил, что подле попугая стояла кровать с белыми кисейными занавесками, сквозь которые он мог различить старушку, лежащую с закрытыми глазами; она показалась ему как будто восковая. В другом углу стояла такая же точно кровать, где спала другая старушка, а подле неё сидела серая кошка и умывалась передними лапами. Проходя мимо неё, Алёша не мог утерпеть, чтоб не попросить у

---

²² Изразец – тонкая плитка из обожжённой глины, покрытая с лицевой стороны глазурью.

²³ Муравá – жидкое цветное стекло.

неё лапки...

Вдруг она громко замаякала, попугай нахохлился и начал громко кричать: «Дуррак! дуррак!» В то самое время видно было сквозь кисейные занавески, что старушки приподнялись в постели. Чернушка поспешно удалилась, и Алёша побежал за нею, дверь вслед за ними сильно захлопнулась... И ещё долго слышно было, как попугай кричал:

«Дуррак! дуррак!»

– Как тебе не стыдно! – сказала Чернушка, когда они удалились от комнат старушек. – Ты, верно, разбудил рыцарей...

– Каких рыцарей? – спросил Алёша.

– Ты увидишь, – отвечала курочка. – Не бойся, однако ж, ничего, иди за мною смело.

Они спустились вниз по лестнице, как будто в погреб, и долго-долго шли по разным переходам и коридорам, которых прежде Алёша никогда не видывал. Иногда коридоры эти так были низки и узки, что Алёша принуждён был нагибаться. Вдруг вошли они в залу, освещённую тремя большими хрустальными люстрами. Зала была без окошек, и по обеим сторонам висели на стенах рыцари в блестящих латах, с большими перьями на шлемах, с копьями и щитами в железных руках. Чернушка шла впереди на цыпочках и Алёше велела следовать за собою тихонько-тихонько... В конце залы была большая дверь из светлой жёлтой меди. Лишь только они подошли к ней, как соскочили со стен два рыцаря,

ударили копьями об щиты и бросились на чёрную курицу. Чернушка подняла хохол, распустила крылья и вдруг сделалась большая-большая, выше рыцарей, и начала с ними сражаться! Рыцари сильно на неё наступали, а она защищалась крыльями и носом. Алёше сделалось страшно, сердце в нём сильно затрепетало, и он упал в обморок.

Когда пришёл он опять в себя, солнце сквозь ставни освещало комнату и он лежал в своей постели. Не видно было ни Чернушки, ни рыцарей. Алёша долго не мог опомниться. Он не понимал, что с ним было ночью: во сне ли он всё то видел или в самом деле это происходило? Он оделся и пошёл наверх, но у него не выходило из головы виденное им в прошлую ночь. С нетерпением ожидал он минуты, когда можно ему будет идти играть на двор, но весь тот день, как нарочно, шёл сильный снег, и нельзя было и подумать, чтоб выйти из дому.

За обедом учительша между прочими разговорами объявила мужу, что чёрная курица непонятно куда спряталась.

– Впрочем, – прибавила она, – беда невелика, если бы она и пропала: она давно назначена была на кухню. Вообрази себе, душенька, что с тех пор, как она у нас в доме, она не снесла ни одного яичка.

Алёша чуть-чуть не заплакал, хотя и пришло ему на мысль, что лучше, чтоб её нигде не находили, нежели чтоб попала она на кухню.

После обеда Алёша остался опять один в классных комнатах.

Он беспрестанно думал о том, что происходило в прошедшую ночь, и не мог никак утешиться в потере любезной Чернушки. Иногда ему казалось, что он непременно должен её увидеть в следующую ночь, несмотря на то что она пропала из курятника. Но потом ему казалось, что это дело несбыточное, и он опять погружался в печаль.

Настало время ложиться спать, и Алёша с нетерпением разделся и лёг в постель. Не успел он взглянуть на соседнюю кровать, опять освещённую тихим лунным сиянием, как зашевелилась белая простыня – точно так, как накануне... Опять послышался ему голос, его зовущий: «Алёша, Алёша!» – и немного погодя вышла из-под кровати Чернушка и взлетела к нему на постель.

– Ах, здравствуй, Чернушка! – вскричал он вне себя от

радости. – Я боялся, что никогда тебя не увижу. Здорова ли ты?

– Здорова, – отвечала курочка, – но чуть было не занемогла по твоей милости.

– Как это, Чернушка? – спросил Алёша, испугавшись.

– Ты добрый мальчик, – продолжала курочка, – но при том ты ветрен и никогда не слушаешься с первого слова, а это нехорошо! Вчера я говорила тебе, чтоб ты ничего не трогал в комнатах старушек, – несмотря на то, ты не мог утерпеть, чтобы не попросить у кошки лапку. Кошка разбудила попугая, попугай старушек, старушки рыцарей – и я насилу с ними сладила!

– Виноват, любезная Чернушка, вперёд не буду! Пожалуй-ста, поведи меня сегодня опять туда; ты увидишь, что я буду послушен.

– Хорошо, – сказала курочка, – увидим!

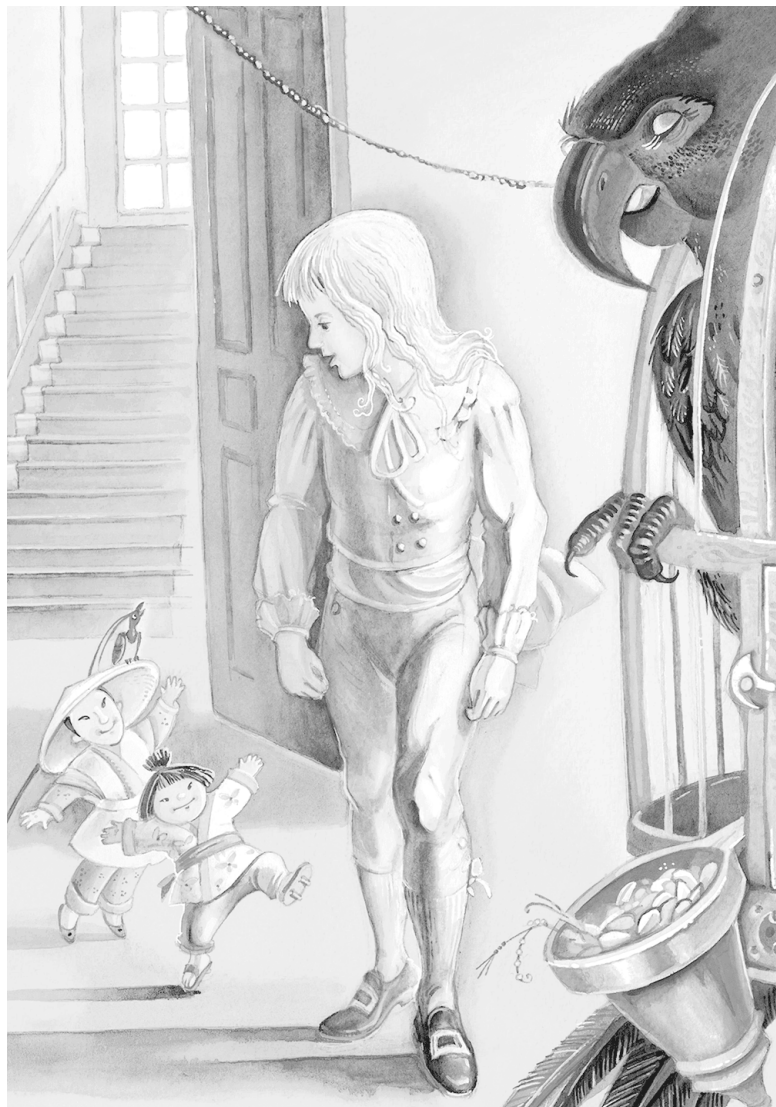
Курочка закудаhtала, как накануне, и те же маленькие свечки явились в тех же серебряных шандалах. Алёша опять оделся и пошёл за курицею. Опять вошли они в покои старушек, но в этот раз он уж ни до чего не дотрагивался. Когда они проходили чрез первую комнату, то ему показалось, что люди и звери, нарисованные на лежанке, делают разные смешные гримасы и манят его к себе; но он нарочно от них отвернулся. Во второй комнате старушки-голландки, так же как накануне, лежали в постелях, будто восковые; попугай смотрел на Алёшу и хлопал глазами, серая кошка опять умы-

валась лапками. На уборном столе перед зеркалом Алёша увидел две фарфоровые китайские куклы, которых вчера он не заметил. Они кивали ему головою, но он помнил приказание Чернушки и прошёл не останавливаясь, однако не мог утерпеть, чтоб мимоходом им не поклониться. Куколки тотчас соскочили со стола и побежали за ним, всё кивая головою. Чуть-чуть он не остановился – такими они показались ему забавными, но Чернушка оглянулась на него с сердитым видом, и он опомнился. Куколки проводили их до дверей и, видя, что Алёша на них не смотрит, возвратились на свои места.

Опять спустились они с лестницы, ходили по переходам и коридорам и пришли в ту же залу, освещённую тремя хрустальными люстрами. Те же рыцари висели на стенах, и опять, когда приблизились они к двери из жёлтой меди, два рыцаря сошли со стены и заступили им дорогу. Казалось, однако, что они не так сердиты были, как накануне; они едва тащили ноги, как осенние мухи, и видно было, что они через силу держали свои копья... Чернушка сделалась большая и нахохлилась; но только что ударила их крыльями, как они рассыпались на части, – и Алёша увидел, что то были пустые латы! Медная дверь сама собою отворилась, и они пошли далее. Немного погодя вошли они в другую залу, просторную, но невысокую, так что Алёша мог достать рукою до потолка. Зала эта освещена была такими же маленькими свечками, какие он видел в своей комнате, но шандалы были не сереб-

ряные, а золотые.

Тут Чернушка оставила Алёшу.

– Побудь здесь немного, – сказала она ему, – я скоро приду назад. Сегодня ты был умён, хотя неосторожно поступил, поклонясь фарфоровым куклам. Если бы ты им не поклонился, то рыцари бы остались на стене. Впрочем, ты сегодня не разбудил старушек, и оттого рыцари не имели никакой силы. – После сего Чернушка вышла из залы.

Оставшись один, Алёша со вниманием стал рассматривать залу, которая очень богато была убрана. Ему показалось, что стены сделаны из лабрадора²⁴, какой он видел в минеральном кабинете, имеющемся в пансионе; панели и двери были из чистого золота. В конце залы, под зелёным балдахином, на возвышенном месте, стояли кресла из золота. Алёша очень любовался этим убранством, но странным показалось ему, что всё было в самом маленьком виде, как будто для небольших кукол.

---

²⁴ Лабрадор – серый с синим отливом минерал.

Между тем как он с любопытством всё рассматривал, отворилась боковая дверь, прежде им не замеченная, и вошло множество маленьких людей, ростом не более как с пол-аршина²⁵, в нарядных разноцветных платьях. Вид их был важен: иные по одеянию казались военными, другие – гражданскими чиновниками. На всех были круглые с перьями шляпы наподобие испанских. Они не замечали Алёши, прохаживались чинно по комнатам и громко между собой говорили, но он не мог понять, что они говорили. Долго смотрел он на них молча и только что хотел подойти к одному из них с вопросом, как отворилась большая дверь в конце залы... все замолкли, стали к стенам в два ряда и сняли шляпы. В одно мгновение комната сделалась ещё светлее, все маленькие свечки ещё ярче загорели, – и Алёша увидел двадцать маленьких рыцарей в золотых латах, с пунцовыми на шлемах перьями, которые попарно входили тихим маршем. Потом в глубоком молчании стали они по обеим сторонам кресел. Немного погодя вошёл в залу человек с величественною осанкою, на голове с венцом, блестящим драгоценными камнями. На нём была светло-зелёная мантия, подбитая мышьим мехом, с длинным шлейфом, который несли двадцать маленьких пажей²⁶ в пунцовых платьях. Алёша тотчас догадался, что это должен быть король. Он низко ему поклонил-

---

²⁵ Аршин – старая русская мера длины, равная 0,71 метра.

²⁶ Паж – мальчик из дворянской семьи, прислуживавший знатному господину.

ся. Король отвечал на поклон его весьма ласково и сел в золотые кресла. Потом что-то приказал одному из стоявших подле рыцарей, который, подошел к Алёше, объявил ему, чтоб он приблизился к креслам. Алёша повиновался.

– Мне давно было известно, – сказал король, – что ты добрый мальчик; но третьего дня ты оказал великую услугу моему народу и за то заслуживаешь награду. Мой главный министр донёс мне, что ты спас его от неизбежной и жестокой смерти.

– Когда? – спросил Алёша с удивлением.

– Третьего дня на дворе, – отвечал король. – Вот тот, который обязан тебе жизнию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.